

М 14.

P32382

А. Н. МАЙКОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

ДЕТГИЗ-1943

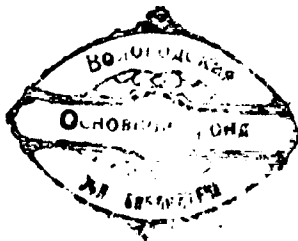
A. M. M. M. M.
M. M. M. M. M.

А. Н. МАЙКОВ

45

32382.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Государственное Издательство Детской Литературы
НКП РСФСР
Москва 1943 Ленинград

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ

(1821—1897)

Кому приходилось заниматься фотографией, тот знаком со своеобразным чувством, которое вызывает проявление снимка: белая бумага опущена в проявитель, и в неверном свете красного фонаря на ней постепенно начинают проступать отдельные черточки и детали изображения, затем они начинают сливаться, и наконец уже целиком и отчетливо выступает законченная картина: портрет, пейзаж, сцена.

Когда впервые начинаешь знакомиться с творчеством неизвестного еще тебе поэта-лирика, перелистываешь книгу его стихов, то испытываешь во многом сходное чувство: вот картинка природы, мимолетное чувство грусти, вот — новая и яркая мысль, и постепенно вырисовывается перед тобой целостный облик поэта, который по-своему, не так, как другие, чувствует мир и рассказывает о нем, раскрывает нам какие-то новые чувства и мысли.

Из отдельных, на первый взгляд разрозненных, его стихотворений постепенно складывается целая картина жизни, потому что о ней говорит один и тот же человек, со своими требованиями к жизни, со своими стремлениями и чаяниями, отражающими определенные общественные настроения, с которыми он в жизни связан. Определенный жизненный путь, им пройденный, подсказывает ему те впечатления, те мысли, которыми он с нами делится в своих стихах.

Вот почему у каждого из нас сложилось свое представление о Пушкине, о Лермонтове, о Некрасове, о Маяковском и о других больших поэтах. Мы представляем их себе по их стихотворениям, как определенных людей, с определенным, именно им присущим, складом души. И если бы мы умели рисовать, то нарисовали бы Пушкина совсем не таким, как Лермонтова (не внешне, конечно, а так, как вырисовывается перед нами по их стихам их духовный облик).

Свое место в русской поэзии, свой облик, свои темы и мысли — и у Аполло́на Николаевича Майкова.

Мир, который открывают нам стихи Майкова, широк и многогранен. В течение долгих лет своей жизни Майков много ездил, многое видел и изучил, о многом думал.

Обширный цикл своих стихов он назвал «Страны и народы». В этот цикл включены сти-

ли об испанцах, о черногорцах, об итальянцах, о ниграх и о других народах. Особый цикл — это «Очерки Рима»; другой цикл — «Неаполитанский альбом»; большое количество стихов объединено под названием «Века и народы».

Много в произведениях Майкова ярких красок, тонких поэтических оттенков. Но наибольшего мастерства достиг Майков в изображении природы.

Кто не знает его стихов о весне, когда «выставляется первая рама», о лете, когда «поле зыблется цветами», об осени, когда доцветает «настурий огненный куст», о зиме, когда «отливом пурпурным блестит снегов сребро» и «по льду гладкому и скользкому реки свистят и искрятся изгибные коньки».

Заслуженной известностью пользуются его стихи, посвященные изображению древнего мира, объединенные в цикл «В антологическом роде», лирическая драма «Три смерти», трагедия «Два мира»; в них Майков сумел чрезвычайно глубоко войти в жизнь древности, ярко и полно ее передать.

Интересно, ярко и красочно в том мире, в который вводит нас Майков. Но вот что постепенно, по мере того как мы все больше и больше с ним знакомимся, начинает нас как-то беспокоить: уж очень все благополучно в мире, рисуемом нам Майковым, уж очень ко всему расположен поэт; а ведь жил-то он в такие го-

ды, когда вовсе не так уж хорошо было в мире и в самой России. В поэзии Майкова много радости, но мало страсти, ненависти ко злу, в его мире красиво, но немного холодно. И, при всех несомненных и больших достоинствах произведений Майкова, его творчество в целом вызывает некоторое неудовлетворение именно этой своей односторонностью.

Кто-то остроумно заметил, что человек не может сносить слишком большого счастья безнаказанно: он перестает понимать печали и горе других. Жизнь Майкова сложилась как раз на редкость счастливо. Он родился в состоятельной дворянской семье, отец его был известным художником. С детства Майков находился среди видных писателей и художников, его учителем был прославившийся позднее писатель И. А. Гончаров.

«Дом отца Майкова, — вспоминает современник, — кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистошимое содержание из сферы мысли, науки, искусства. Молодые ученые музыканты, живописцы, многие литераторы из круга 30-х и 40-х годов, все толпились в не обширных, но блестящих, но уютных залах его квартиры». В дни юности Майков со своими братьями (один из них стал известным критиком, другой — крупным ученым-литературоведом) и друзьями семьи издавал рукописные сборники («Подснежник» и «Лунные ночи»), которых были и рисунки его отца и стихи его матери.

Он сам прекрасно рисовал и одно время предполагал стать художником. Отчетливость и красочность изображения им природы говорит о его остром глазе художника.

Путешествия по Италии и Франции, глубокое знакомство с западноевропейской культурой и искусством, ничем не омраченные радости семейной жизни, спокойная служба (он прослужил в комитете иностранной цензуры 45 лет), ранняя литературная известность — все это сделало жизненный путь Майкова мирным, безбурным, светлым, подсказывало ему и простые, благостные темы, заслоняло от него трудности и скорби жизни.

Майков стоял в стороне от активной борьбы передовых людей с царизмом, избегал непосредственного соприкосновения с острыми проблемами современной ему общественной жизни, и, как он выразился в конце своей жизни по своему адресу, «он жил в самом себе». Поэтому в своих стихах он говорил главным образом о природе, о древности, о других странах. И поэтому он дал нам меньше, чем мог бы дать его большой поэтический талант.

А талант его действительно большой. И когда мы теперь читаем его стихи, — уже не упрекая его за то, чего он не дал нам, а воспринимая то, что им создано, — мы получаем подлинное художественное наслаждение.

В них много настоящих и верных красок природы, большой и умной наблюдательности, много

знаний, открывающих нам и иные страны и народы, и другие века; в них звучит и своя живая, искренняя любовь к родине, к России, к ее прошлому, к ее природе, к ее народу.

Пусть его поэтическая замкнутость, отгороженность от жизни помешала ему полнее, шире, многостороннее выразить себя как поэта определенной эпохи, — все же он оставил нам большое и яркое поэтическое наследство.

Л. Тимофеев

В АНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров,
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чуткий лебедь спит, на влаге отражаясь, —
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов:

И там, в урочный час, с улыбкой уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрвав, головой склоняясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

ПРИЗЫВ

Уж утра свежее дыханье
В окно прохладой веет мне.
На озаренное созданье
Смотрю в волшебной тишине;
На главах смоляного бора,
Вдали лежащего венцом,
Восток пурпуровым ковром
Зажгла стыдливая Аврора¹;
И, с блеском алым на водах,
Между рядами черных елей,
Залив почует в берегах,
Как спит младенец в колыбели.

---

¹ Аврора (миф.) — богиня зари.

Рисунок А. Н. Майкова.

А там, вокруг холма, где шумит
По ветру мельница крылами,
Ручей алмазными водами
Вкруг яркой озими бежит...
Как темен свод дерев ветвистых!
Как зелен бархат луговой!
Как сладок дух от сосн смолистых
И от черемухи молодой!

О други! в поле! силой дивной
Мне утро грудь животворит...
Чу! в роще голос заунывной
Весенней иволги гремит!

1838

**

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак, схоронил
Погибшего сына. Его возлелеяло море,
Оно же его и прияло в широкое лоно,
И на берег бережно вынесло мертвое тело.
Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу¹ из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный!

1840

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

Откуда ты, о ключ подгорный,
Катишь звенящие струи?
Кто вызвал вас из бездны черной,
Вы, слезы чистые земли?

---

¹ В е р ш а — рыболовная снасть.

На горных главах луч палящий
Кору ль лдяную растопил?
Земли ль из сердца ключ шипящий
Истоки тайные пробил?
Откуда б ни был ты, но сладко
В твоих сверкающих зыбях
Дремать наяде¹ иль украдкой
Свой лик купать в твоих водах;
Отрадно пастырям долины
У вод твоих в свой рог играть,
И девам звонкие кувшины
В студеной влаге погружать.
Таков и ты, о стих поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвал в бездну света?
Кого ты ищешь средь него?
То тайно всем; но всем отрадно
Твоей гармонии внимать,
Любить твой строй, твой лепет складной,
В тебе усладу почерпать.

1841

---

¹ Н а я д ы (миф.) — речные нимфы. (Нимфы — божества, олицетворяющие живые силы природы.)

МЫСЛЬ ПОЭТА

О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!¹
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажет молнии: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажет горному орлу:
Ты не ширяй под небесами,
На солнце гордо не смотри,
И не плещи морей водами
Своими черными крылами
При блеске розовой зари?

1839

ЗИМПЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями.
Из хижин ранний дым разносится клубами
В янтарном зареве пылающих небес.
В раздумии глядит на обнаженный лес,
На дома, крытые ковром молодого снега,

---

¹ Г а л ь ц и о н а — чайка.

32382

На зеркало реки, застынувшей у берега,
Светила днёвного кровавое ядро.
Отливом пурпурным блестит снегов сребро;
Иглистым инеем, как будто пухом белым,
Унизана кора по ветвям помертвелым.
Люблю я, сквозь стекла блистательный узор,
Картиной новою увеселять свой взор;
Люблю в тиши смотреть, как раннюю порою
Деревня весело встречается с зимою:
Там по льду гладкому и скользкому реки
Свистят и искрятся визгливые коньки;
На лыжах зверолов спешит к лесам дремучим;
Там в хижине рыбак пред пламенем трескучим
Сухого хвороста худую сеть чинит,
И сладостно ему вспомнить прежний быт,
Взирая на стекло окованной пучины —
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярые и волн мятежный взрыв,
И свой хранительный под ивами залив,
И про счастливый лов в часы безмолвной ночи,
Когда лишь месяца задумчивые очи
Проглянут, озлатят пучины спящей гладь,
И светят рыбаку свой невод подымать.

1839

СОМНЕНИЕ

Пусть говорят — поэзия мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и ложный,
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев дальных
Сирен¹ опасных, нет дриад²
В лесах густых, в ручьях кристалльных
Золотовласых нет наяд;
Пусть Зевс³ из длани не низводит
Разящий молнии поток,
И на ночь Гелиос⁴ не сходит
К Фетиде⁵ в пурпурный чертог:
Пусть так! но в полдень листьев шопот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня

---

¹ Сирены (миф.) — злые морские божества; пением они завлекали к себе моряков и убивали их.

² Дриады (миф.) — лесные нимфы.

³ Зевс (миф.) — старший из богов, громовержец.

⁴ Гелиос (миф.) — бог солнца.

⁵ Фетиды (миф.) — старшая из морских нимф (нерейд).

Рисунок А. И. Майкова.

С такой любовью приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явлениям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь и не веришь ты!

1839

ГОРЫ

Люблю я горные вершины.
Среди небесной пустоты
Горят их странные руины,
Как недоконченны мечты
И думы Зодчего природы.
Там недосозданные своды,
Там великана голова
И неизваянное тело,
Там пасть разинутая льва,
Там профиль девы онемелый..

НА ВОЛЕ

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
И подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастья ином...

1857

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:

Вон — даль голубая видна...

И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Поле зыблется цветами...

В небе льются света волны...

Вешних жаворонков пенья

Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...

Не видать певцов за светом...

Так надежды молодые

Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются

Голоса их, я не знаю...

Но, им внемля, взоры к небу,

Улыбаясь, обращаю.

1857

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;

Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как все тише смех наш становился...
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! золотая буря!

1856

ЗВУКИ ПОЧИ

О ночь безлунная!.. Стою я, как влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка под ризою твоей!
Кругом — стеклянный звон люющихся ключей;
Там — листик задрожал под каплею алмазной;
Там — пташки полевой свисток однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат между кустов;
По речке, в камышах, от топких островов,
С разливов хоры жаб несутся, как глухие
Органа дальнего аккорды басовые,

И царствует над всей гармонией ночной
По ветру то звончей, то в тихом замиранье
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звезды... Нет, и там, по тверди голубой,
В их металлическом сияньи и движеньи
Мне чувствуется гул их вечного теченья.

1856

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи
Я поднимаю от земли:
В лазури темной, к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет, —
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

1855

П Е И З А Ж

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеєю
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осижник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист,
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...

И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится Жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

1856

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес.
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1864

МЕЧТАНИЯ

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит
отвжей.

Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдаёт угрюмый день, больной и бесприветный
Природу грустную ночной холодной мгле, —
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданья,
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю,
И так уж наконец в присутствии их верю,
Что даже кажется, их видит черный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами
По темной комнате мурлыча поведет...

1865

ИЗ СТРАНСТВОВАНИЙ

АЛПЫЙСКИЕ ЛЕДНИКИ

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там — как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа, —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «туда! туда!»

1859

Здесь весна, как художник уж славный,
работает тихо,
От цветов до других по неделе проходит
и боле.
Словно кончит картину и публике даст
наглядеться,
Да и публика знает маэстро — и уж много
о нем не толкует:
Репутация сделана: бюст уж его в Пантеоне,
То ли дело наш Север! весна, как волшебник
нежданны
Пронесется в лучах, и растопит снега и угонит
Словно взмахом одним с яркой озими сдерне
покровы
Вздует почки в лесу, и — цветами уж зыблется
поле
Не успеет крестьянин промолвить: «никак нынче
вёдро»
Как — и соху справляй, и сырую разрыхливай
землю
А на небе-то, господи, праздник, и звон,
и веселье!
И летят надо всею-то ширью от моря и до моря
птицы —

К зеленим беспредельным, к широким
зеркальным разливам!
Выбирай лишь, где больше приволья в воде им
и в лесу!
И кричат как, завидя знакомые реки и дебри
И с соломенных крыш беловатый дымок над
поляной!
Унеси ты, волшебник, скорее меня в это
царство,
Где по утренним светлым зарям бодро дышится
груди,
Где пред ликом господних чудес умиляется
всякое сердце...

Неаполь. 1859

НЕАПОЛИТАНСКИЙ АЛЬБОМ

Какое утро! Стихли громы,
Широко льется солнца луч,
Горят серебряные комы
За горы уходящих туч...

Какое утро!.. Море снова
Приемлет свой зеркальный вид,
Хотя вдоль лона голубого
Тяжелый вздох еще бежит;

И — след утихнувшего гнева —
Бурун вскипает здесь и там,
И слышен гул глухого рева
Вдоль по отвесным берегам...

Плыву я, счастьем тихим полный,
И мой гребец им дорожит:
Чуть-чуть по влаге, сам безмолвный,
Веслом сверкающим скользит...

Молчит — и лишь с улыбкой взглянет,
Когда на нас от берегов
Чуть слышным ветерком потянет
Благоухание цветов:

Как будто сильфов¹ резвых стая,
Спрыгнув со скал, дыша теплом,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться в воздухе морском...

ТАРАНТЕЛЛА

(На голос: Giù la luna è mezz'al mare...²)

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!
Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчались в круг живой —

---

¹ Сильфы (миф.) — духи воздуха.

² Уже луна посреди моря... (итал.)

Очи долу, ударяя
В тамбурин¹ над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
Все идет живей, живей,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

---

¹ Тамбурин — бубен.

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...
Да снуровка без пощады
Вашу грудь больную жмет...
Ну, так мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда!
Иль кто раз вкусил науки —
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин? ¹
В сердце памятью былова,
Чай, отдался тамбурин?

---

¹ Капуцин — монах.

Ну — так к нам — и шибче скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходился Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! вокруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Не робейте! смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что́ такое человек!..
Что́ тут думать!.. шибче скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Д О М А

МАТЬ

«Бедный мальчик! весь в огне,
Все ему неловко! —
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик,
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. сказки — вздор!
Песня лучше будет...
*Зашумел сыр-темен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..*
*...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...*
Тише! засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...»

«Во сыром бору» поет
Мать, и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идет...
Ночь уж день выводит —
Мать поет... рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...
И едва дитя, в жару,
Вздвогнув, встрепется —
«Во темном-сыром бору»
Снова раздается...

Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!
Заслонит, средь всех тревог,
Всею душой своею,
Жизни чудной огонек,
Что затеплен ею!
И едва он засветил, —
Вдруг ей ясно стало,
Что любви, что чудных сил
Сердце в ней скрывало!..

ВЕСНА

(Повалывается Коля Трескину)

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — парицею цветов,

Рисунок А. Н. Майкоца.

С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты..

Да найдут и по оврагам!
Вон уж пчел рои шумят,
И летит победным флаюм
Пестрых бабочек отряд

1881

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает небам!»
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги,
И как будто стоя спит...

Только Жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

НИВА

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — с трудом ее руками разбирая.

Мелькают и жужжат колосья предо мной,
И колют мне лицо... Иду я наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный
день.

О, божья благодать!.. о, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемля, вижу я — на всем полей просторе
И жницы, и жнецы, ныряя точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы!
Вон на заре стучат проворные цепи;
В амбарах воздух полн и розана, и меда;
Везде скрипят возы; среди шумного народа
На пристанях кули валяются; вдоль реки,
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влаге ударяя...

О боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба, —

Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно.
О, дай нам солнышка! пошли ты вёдра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать,
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

СТРАНЫ И НАРОДЫ

СОН НЕГРА

(Из Лонгфелло)

Измучен зноем и трудом,
Он наземь бросился ничком...
Недвижно рис над ним стоял.
Палимый зноем, он дремал...
То был ли бред, то был ли сон —
Родимый край увидел он.

Увидел он: в степи глухой
Несется Нигер голубой;
Под сенью пальм стоят шатры;
К ним караван ползет с горы,
И люди веселы кругом:
Он в том народе был царем.

Среди цветов стоит жена,
Толпой детей окружена;
И дети к ней ласкаясь льнут,
И в лес, отца искать, зовут...

И вот сквозь сон, горячий сон,
В бреду заплакал тихо он...

И снова чудится во сне:
На борзом мчится он коне.
Как вольный вихорь, конь летит,
Взбивая прах из-под копыт,
Златою сбруею звеня, —
И сабля бьет в бока коня...

Что миг — свободней дышит грудь!
Что шаг — торжественнее путь,
Всё ближе горы. Лев рычит;
Кричит гиена; змей свистит,
И тяжело по тростникам
Идет к реке гиппопотам.

Под небом темноглубым
Фламинго красный, перед ним
Несясь в дали, крылами бьет
Как знамя красное — и вот
Ему открылся кафров¹ стан,
И в очи глянул океан!

---

¹ Кафры — негры южной части Африки.

И встал он там, и слышит: вдруг,
Подобный трубам, мощный звук
Поколебал и дол, и лес,
И глубь пустынь, и глубь небес..
То звал к свободе из оков
Великий дух своих сынов.

И вздрогнул он, услыша клич..
И уж не чувствовал, как бич
По нем скользнул, и как ногой
Его толкнул хозяин злой,
Как он, сдавив досады вздох,
Пробормотал потом: «издох!..»

ПЕРЕВОДЫ И ВАРИАЦИИ

НА МОРЕ

Тишь и солнце! спят пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудные морщины
Вкруг бегут от корабля.

В штиль о море не тревожась,
Спит, как мертвый, рулевой.
Весь в дегтю, у мачты съежась,
Мальчик чинит холст худой.

С грязных щек румянец пышет,
Рот, готовый всхлипнуть, сжат;
Грудь все чаще, чаще дышит,
Лоб наморщен, поднят взгляд:

Перед ним, багров от водки,
Капитан стоит, вопя:
«Негодяй! ты — красть селедки!
Вот я вышколю тебя!»

Тишь и солнце!.. В влаге чистой
Рыбка прыгает; кольцом
Вьет свой хвостик серебристый,
Шутит с солнечным лучом.

Вдруг по небесам пустынным
Свищет чайка, как стрела,
И, нырнувши клювом длинным,
С рыбкой в небо поплыла.

7851

**

Краса моя, рыбачка,
Причалъ сюда челнок,
Садись, рука с рукою,
Со мной на бережок.

Прижмись ко мне головкой,
Не бойся ничего!
Вверяешься ж ты морю —
Страшнее ль я его?

Ах, сердце — тоже море!
И бьется, и бурлит,
И также дорогие
Жемчужины таит!

1867

А К В А Р Е Л И

ГРОЗА

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкой своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам:
Промчался вихрь — пять-шесть мгновений
И, встречу солнечным лучам,

Встают с серебряным карнизом
Через все полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозят и блеск, и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую
И всё свирепей и быстреей.

Рисунок А. Н. Майкова.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный
И огонь, и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удальце
Ее честят! как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

1887

**

Уж побелели неба своды...
Промчался резвый ветерок...
Передрассветный сон Природы
Уже стал чуток и легок.
Блеснуло Солнце: гонит ночи
С нее последнюю дрему —
Она — вздрогнув — открыла очи —
И улыбается ему.

1887

ИЗ СЛАВЯНСКОГО МИРА

НИКОГДА!

Первая встреча славян с римлянами

Гонит волны быстр Дунай,
Разлился широко;
Над Дунаем светлый град
На горе высокой.
Становился римский царь
Станом перед градом;
Забелелися шатры,
Ряд стоит за рядом.
На престоле царь сидит
Под златой порфирой;
Вкруг престола, словно лес
Копья и секиры.
И с престола римский царь
Говорит с послами:
Незнакомый люд стоит
Пред его очами.
Молодец все к молодцу:
Кудри золотые

Густо вьются по плечам,
Очи — голубые;
Словно все в одно лицо,
Та ж краса и сила,
Словно всех-то их одна
Матерь породила.
Породила ж их одна
Мать, земля родная,
Что от Татры подошла
Вплоть до волн Дуная,
И за Татрою идет
На другое море,
На полночь и на восток,
Где в святом просторе
Уготовала поля,
Доли и дубравы,
Как святую колыбель
Для великой славы!
Их послал славянский род.
Положив советом
Встретить римского царя
Дружбой и приветом;
Не лежат они челом
Перед ним во прахе,
Не целуют ног его

В раболепном страхе;
Но подносят божий дар —
Хлеб и соль родную,
И к великому царю
Держат речь такую:
«Весь народ наш, старшины
И князья послали
Нас, чтоб мы тебе, о царь,
Добрый день сказали.
Ты наш гость, лишь доступил
Нашего порога;
Мы — славяне; край сей дан
Нам в удел от бога.
Щедро им он наделен
Благодатью с неба:
Не поленишься, так всем
Свой кусок есть хлеба.
Много ль, мало ль, — с нас того
Будет, что имеем:
Благо сеем на своем,
Жнем, что сами сеем.
И придет ли странник к нам,
Кто, зачем, не спросим,
С богом, дверь отворена!
Милости к нам просим!

Будь он свой или чужой,
Человек прохожий,
Про него всегда у нас
На столе дар божий.
Вольно всем здесь жить! — Зарок
Богом дан славянам:
Грех великий — быть рабом,
Вящий грех — быть паном!
И грехов тех нет у нас,
Нет во всем народе!
Всем у нас открытый путь
К славе и свободе!

Правда, как весной снега
С гор крушатся на дол,
Лютый враг на край наш вдруг,
Словно с неба, падал;
Здесь засеяв, уж думал век
Нас держать в неволе,
Нами сеять и пахать
И на нашем поле
Кобылиц своих пасти —
Только — блажь пустая!
Поднималась вся земля
С края и до края!

И спроси ты: где же те,
Что нам цепь ковали?
Где, спроси их? — Мы стоим,
А они — пропали!
Положен уж так зарок,
Веки неизменный:
Кто откуда б ни пришел,
Враг иноплеменный:
Завладей хоть миром, здесь
Бег свой остановишь,
Здесь, в земле славянской, гроб
Сам себе сготовишь!

Ты теперь, о царь, стоишь
Здесь у нашей грани.
Что ж несешь с собою к нам:
Меч иль мир во длани?
Если меч, то ведь мечи
И у нас есть тоже;
А востры ль они, узнать
И не дай ти боже!
Если ж к нам идешь, как гость,
С миром, с доброй вестью,
Уж на славу угостим,
И проводим с честью!

Вот тебе от нас хлеб-соль!

И принять их просим
Так же честно, как тебе,
Царь, мы их подносим».

Хлеба-соли не взял царь,
Ликом омрачился;

Ярый гнев в его очах
Гордо засветился;

И к послам славянским он

С трона золотого
Обратил, подняв главу,
Таковое слово:

«Солнце шествует в пути —

И к нему все очи;
От него — вся жизнь и свет,

Без него — мрак ночи;
С ним у твари спора нет,

Ни переговоров;
Для народов солнце — я,

И со мной нет споров!
Как судьба, для всех моя

Власть неотразима:
Повелитель мира — Рим,
Я ж — владыка Рима!

Меж народов хоть один
Есть ли во вселенной,
Кто, противиться ему
Возмечтав, мгновенно
До последнего раба
Не исчез со света!
Все склоняются пред ним,
И живут — чрез это.
Преклонитесь же и вы!
Я ваш край устрою:
Поселю здесь римлян, вас
Выведу с собою,
В Рим — старшин, а молодежь —
Прямо в легионы;
Покоритесь, будет вам
Мир, почет, законы;
Нет — вас с семьями к себе
Погоню гуртами,
В плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
На цепи, как псов, сидеть
У ворот заставлю,
Буду тысячами вас
Львам кидать на травлю —
Горе будет, говорю,

Детям вашим, женам;
Бойтесь, если кликну я:
«Горе побежденным!»
Бойтесь! этот римский клик
Пуще божья грома!..
Я сказал. Вот мой ответ!
Передайте дома!»

Речь окончил римский царь,
Все кругом молчало.
Как неожиданный гром, она
На славян упала.
На царя стремят они
Взгляд оторопелый...
Вдруг как будто с их очей
Заблестали стрелы,
И по лицам словно вдруг
Молнии мелькнули,
Разом взвизгнувши, мечи
Из ножен сверкнули,
И у всех единый клик
Вырвался из груди:
«Никогда!»

Вокруг царя
Всполошились люди,

И поднять щиты едва
Вкруг него успели...
Сам он мигом с трона прочь...
Трубы загремели,
Разом лагерь поднялся:
Скачут нумидийцы,
Взвод бессмертных, взвод парфян,
Галлы, иберийцы,
И, копье наперевес,
Римская пехота, —
Окружили молодцов,
И пошла работа!

Что медведь лесной в кругу
Псов остервенелых,
Бьется горсть богатырей
Против полчищ целых;
С шумом рушатся вокруг них
Всадники и кони,
Копья ломаются, звенят
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей —
Но сама редееет...
Вот лишь трое их: кругом
Смерть над ними реет

В блеске копий и мечей...
Вот всего лишь двое —
Вот один... и этот пал...

И вокруг павших в бое
Победители стоят
В изумленьи сами;
В легионах недочет:
Целыми рядами
Мертвых, раненых кладут...
Сам, с разноплеменной
Свитой, кесарь подскакал,
Мрачный и смущенный;
Разглядеть желает он
Варваров, которым
Показалась речь его
Вдруг таким позором...
А той речи внемлет мир,
Все цари земные!
«Что ж за люди это там? —
Мыслит, — кто ж такие?»

И задумчиво к горам
Обратил он взоры:

Грозно смотрят из-под туч
Сумрачные горы;
Стая темная орлов
Из-за них несется;
Словно гул какой оттоль
Смутно раздается...
Смотрит царь, и вдруг велит —
Стан снимать свой ратный
И полки переправлять
За Дунай обратно.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гоңял?»

«Не гоңял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

**

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как Февраль ни злися,
Как ты, Март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дожди —
Все весною пахнет!

**

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю-моря,
Сине-море скажет веслам,
Весла Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара, —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

ОТЗЫВЫ ЖИЗНИ

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

*(Посвящается С. Т. Алексанову, Н. А. Майкову,
А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудыш-
нину, А. И. Халанскому и всем понимающим дело)*

Себя я помнить стал в деревне под Москвою.
Бывало ввечеру поудить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шопотом о ней друг с другом речь ведем...
С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то время мне
Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,
Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще хранится...
В столицу приведен насильно точно я;
Как будто всем чужой, сижу на чуждом пире,
И, кажется, опять я дома в божьем мире,
Когда лишь заберусь на бережок ручья,

Закину удочки, сижу в траве высокой...
Полдневный пышет жар — с зарей я поднялся —
Откинешься на луг я смотришь в небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон глубокой
Под теплый пар земли глаза мне не сомкнет...
О, чудный сон! душа, бог знает, где, далеко,
А ты во сне живешь, как все вокруг живет...

Но близкие мои — увы! — всё горожане...
И странствовать в лесу, поднявшись с зарей,
Иль в лодке осенью сидеть в сыром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печься в летний
зной —

Им дико кажется, и всякий раз, я знаю,
Что, если с вечера я леса разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тем до глубины души их огорчаю;
И лица важные нередко страсть мою
Корят насмешками: «грешно, мол, для поэта
Позабывать Парнас¹ и огорчать семью».
Я с горя пробовал послушать их совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб только сон прогнать,
Пошел на озеро; смотрю — какая гладь!

---

¹ Парнас (миф.) — местопребывание муз.
(Музы — покровительницы поэзии.)

А. Н. Майков на рыбной ловле.

Лесистых берегов обрывы и изгибы,
 Как зеркалом, водой повторены. Везде
 Полоски светлые от плещущейся рыбы
 Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде...
 Смотрю — усач-солдат сложил шинель на травку,
 Сам до колен в воде и удит на булавку.
 «Что, служба?» — крикнул я. — «Пришли
 побаловать
 Маленько», — говорит. — «Нет, клёв-то как,
 служивый?»
 — «А клёв-то? Да такой тут вышел стих
 счастливый,
 Что в час-от на уху успели натаскать».

Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?
 Закину, думаю, я разик — и назад!
 Есть место ж у меня заветное: там скат
 От самых камышей и мелкие каменья.
 Тихонько удочки забравши, впопыхах
 Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
 Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота
 И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодеи-рыбаки уж тут давно: вон с челном
 Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...

Есть что-то страстное в вниманьи их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосяная,
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,
Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, сетков веселых стая,
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.

Но вот один рыбак вскочил, и трепеща
Все смотрят на него в каком-то страхе чутком:
Он, в обе руки взяв, на удилище гнутком
Выводит на воду упорного леща.
И черно-золотой красавец повернулся,
И вдруг взмахнул хвостом, — испуганный,
рванулся —
«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину
Идет чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... дрожь вчуже пробирает!..
А тут мой поплавок мгновенно исчезает.
Ташу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась моя леса, свистя над головою...

Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норы шук,
Другую удочку за тою же травой
Тихонько завожу и жду, едва дыша..
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуясь от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша..
О тварь негодная!.. От злости чуть не плачу;
Клянусь себя, людей и мир за неудачу,
И как на угольях, закинув вновь, сижу,
И только комары, облипшие мне щеки,
Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как яркие горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром
сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
С той стороны село. Среди серебристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...

Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню умирая:
От сердца пылкого все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг
ни звука.
На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался весел плеск...
Нет видно, не возьмет теперь ни лещ, ни щука!
Вот, если бы чем свет забраться в тростники,
Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то, почти к воде припавши... тут охота!..
Что ж медлить? Завтра же... Меж тем
все челноки,
Толкаясь, пристают у низенького плота,
И громкий переклик несется на водах
О всех событиях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрую одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной.

Меж тем как из лесу чуть слышным ветерком,
Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовью в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело сядя за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, с милою свиданье улучив,
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы? что вы?
Что значит этот клик и смеха дружный взрыв?
Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с вами
Истома сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! добрый сон!.. уже двенадцать бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами
Все катится вода огнистыми струями,
И ходят поплавки. На миг лишь задремал —
И кажется, клюет!.. Тут полно, сон пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я крадусь из дому и лезу чрез забор,
Взяв хлеба прозапас с кристальной крупной солью.

Но на́ небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не вспорхнет, —
Но чувствую уже, что будет лов счастливый.

И точно. Дождь потом зашлепал все сильнее;
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с холодком —
Со дна и поверху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две щуки...
Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!
Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! и в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью ясной,
Две щуки на шнурке, вхожу я с торжеством...
И криком все меня встречают:

«ах, несчастный!...»

Непосвященные! напрасен с ними спор!
Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщал к парнасскому союзу!
Нет, муза чистая, витай между озер!

И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности пестрой
За лавром, и хвалой, и памятью веков;
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени, и мхов,
Таинственностью дух питай в святой пустыне!
Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой осоке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись со мной;
Облей в пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочке живой
Ручей, и, усадив за ольхой серебристой,
Над ямой, где лопух разросся круглолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как рождается новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы завеса,
И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с богом говори!
Да просветлен тобой, дыша, как часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К серебристой старости, был весел, как дитя!

БАРТИШКА

(После манифеста 19 февраля 1861 г.)

Посмотри: в избе, мерцаая,
Светит огонек;
Возле девочки-малютки
Собрался кружок;

И, с трудом от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя.

Мужички в глубокой думе
Слушают, молчат;
Разве крикнет кто, чтоб бабы
Уняли ребят.

Бабы суют детям соску,
Чтобы рот заткнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что-нибудь.

Даже, с печи не слезавший
Много-много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.

Что ж так слушают малютку, —
Аль уж так умна?..
Нет! одна в семье умеет
Грамоте она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть.

Самой вести смысл покамест
Темен им и ей:
Но все чуют над собою
Зорю новых дней...

Вспыхнет, братья, эта зорька!
Тьма идет к концу!
Ваши детки уж увидят
Свет лицом к лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдет могуч!
Вещим оком я уж вижу
Первый светлый луч.

Он горит уж на головке,
Он горит в очах
Этой умницы-малютки
С книжкой в руках!

Воля, братья, это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день.

1861

ОТЗЫВЫ ИСТОРИИ

*ЕМШАН**

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

---

* Рассказ этот взят из Волынской летописи. Емшан — название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно, польнок. (*Примечание Майкова.*)

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады! —
Все врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился —
Сырчан в донских залег мелях,
Отрок в горах кавказских скрылся!

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга¹ и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом —

Скажи ему, чтоб бросил все,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

---

¹ Т у г а — скорбь, печаль.

Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовется, —
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отрок сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чувствует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отрок без страха,
Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрок молчит, на братниин зов
Одной усмешкой отвечает —
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких.

Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, зна́ком,
Чтоб увели его — велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят —
Он грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком,
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман,
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отро́к с немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
 Все ждет он -- скоро ль степь родная --
 И вдаль глядит, травы степной
 Пучок из рук не выпуская.

1874

У ГРОБА ГРОЗНОГО

Среди царственных гробов в Архангельском
соборе
 На правом клиросе есть гроб. При гробе том
 Стоишь невольно ты с задумчивым челом
 И с боязливою пытливостью во взоре...
 Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда --
 Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
 Что с гроба этого тяжелая опала
 Еще не снята; что, быть может, никогда
 На свете пламенной души не появлялось...
 Она -- с алчбой добра -- весь век во зле
терзалась, --
 И внутренним огнем сгорел он... До сих пор
 Сведен итог его винам и преступленьям;
 Был спрос свидетелей; поставлен приговор, --
 Но нечто высшее все медлит утвержденьем,
 Недоумения толпа еще полна,
 И тайной облечен досель сей гроб безмолвный...

Вот он!.. Иконы вокруг. Из узкого окна
В собор, еще святых благоуханий полный,
Косой вечерний луч на темный гроб упал
Узорной полосой в колеблющемся дыме...
О, если б он предстал — теперь — в заgrabной
схеме,

И сам, как некогда, народу речь держал, —
«Я царство создавал — и создал и доныне, —
Сказал бы он, — оно стоит — четвертый век...
Судите *тут* меня. В паденьях и гордыне
Ответ мой — господу: пред ним — я человек,
Пред вами — царь! Кто ж мог мне помогать?..
Потомки

Развенчанных князей, которым резал глаз
Блеск царского венца, а старых прав обломки
Дороже были клятв и совести?.. Держась
За них, и Новгород: что он в князьях, мол,
волен!

К Литве, когда Москвой стеснен иль недоволен!..
А век тот был, когда венецианский яд,
Незримый как чума, прокрадывался всюду,
В письмо, в причастие, ко братине¹ и к блюду...
Княгиня — мать моя — как умерла? — Молчат

---

¹ Б р а т и н а — сосуд, из которого питье разливалось по чашам.

Княжата Шуйские... Где Бельский? рать собирает?
Орудует в Крыму и хана подымает!
Под Серпуховом кто безбожного навел
На своего царя и указал дорогу?
Мстиславский? Каешься?.. А Курбский? —

Он ушел!

«Не мыслю на удел» — клянется мне и богу —
А пишется в Литве, с панами не таясь,
В облыжных грамотах как «Ярославский князь»!
Клевещет — на кого ж?.. На самоё царицу —
Ту чистую, как свет небесный, голубицу!..
Все против!.. Что же я на царстве?.. Всем
чужой?..

Итти ль мне с посохом скитаться в край
из края?

Псарей ли возвести в боярство — и покой
Купить, — им мерзости творить не возбраняя,
И ненавистью к ним всеобщей — их связать
С своей особою?.. Ответ кто ж должен дать
За мерзость их, за кровь?.. Покинутый, болящий,
Аз — перед господом — аз — аки пес смердящий
В нечестьи и грехе!..

Но царь пребыл царем.
Навеки утвердил в народе он своем,

Что пред лицом царя, пред правдою державной
Потомок Рюрика, боярин, смерд—все равны,
Все — сироты мои...

И царство создалось!

Но моря я хотел! Нам нужно насажденье
Наук, ремесл, искусств: все с боя брать
пришлось!

Весь Запад завопил: опасно просвещенье
Пустить в Московию! Сам кесарь взор возвел
Тревожно на небо: двуглавый наш орел
Уже там виден стал — и занавесь упала,
И царство новое пред их очами встало...

Оно не прихотью явилось на свет.
В нем не одной Руси спасения завет:
В нем церкви истинной хоругвь, и меч, и сиял
Единоверных скорбь, чтоб быть ему, молила —
И — бысть!.. Мой дед, отец трудились над ним;
Я ж утвердил навек — хоть сам раздавлен им...
Вы все не поняли?.. Кто ж понял? Только эти,
Что в ужасе, как жить без государства, шли
Во дни великих смут, с крестом, со всей Земли
Освобождать Москву... Моих князей же дети
Вели постыдный торг с ворами и Литвой,
За лишние права им жертвуя Москвой!..

Да! люди средние и меньшие, водимы
Лишь верою, чтоб бог им учредил царя
В исход от тяжких бед; что царь, лишь им
судимый,
И зрит лишь на него, народу суд творя —
Ту веру дал им я — сам божья откровенья
О ней исполняя в дни слез и сокрушенья...
И сей священный огонь доньше не угас:
Навеки духом Русь с царем своим слилась!
Да! — царство ваше — труд, свершенный Иоанном,
Труд, выстраданный им в бореньи неустанном.
И памяуйте вы: все то, что строил он, —
Он строил на века! Где — взвел до половины,
Где — указал пути... и труд был довершен
Уж подвигом Петра, умом Екатерины,
И вашим вском...

Да! мой день еще придет!
Услышится, как взвыл испуганный народ,
Когда возвещена царя была кончина, —
И сей народный вой над гробом властелина,
Я верую — в веках вотще не пропадет,
И будет громче он, чем этот шип подземный
Боярской клеветы и злобы иноземной...»

КТО ОН

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Чели осматривал дырявый
И бранился, и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй, дед!» —
А старик всердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Все ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди, да у моря сиди.

Вам ведь все ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретёна,
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, в лес бы.. Ведь грешно!..
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня, и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был, что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай».

«На Петрово! эго слово
Молвил! — думает рыбак. —
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

1868

СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДЕ

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходят

Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой, —
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Из святых московских храмов...
Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях¹ на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится

---

¹ П о ш е в н и — сани-розвальни.

В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...

Где ж вы, пышные мечтанья!
Гордый замысел!.. надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали — и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
Все напрасно!..
И поник он, и, в дремоте,
Видит — как в приемном зале,
Незадолго до похода,
В Тюльери, стоит он, гневный;
Венценосцев всей Европы
Перед ним послы: все внемлют
С трепетом его угрозам...
Лишь один стоит посланник,
Не склонив покорно взгляда,
С затаенною улыбкой...
И, вспыхивши, император —
«Князь, вы видите, — воскликнул, —
Мне никто во всей Европе
Не дерзает поперечить:

Император ваш — на что же
Он надеется — на что же?»

«Государы! — в ответ посланник, —
Взять в расчет вы позабыли,
Что за Русским государем
Русский весь стоит народ!»

Он тогда расхохотался, —
А теперь — теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарево пожаров...

Вспомнил он дворец Петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет!.. и днем, и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их миллионы

Там в лесах... «Так вот что значит —
«Весь народ»!..»

И безнадежно

Вдаль он взоры устремляет:

Что-то грозное таится

Там за синими лесами,

В необъятной этой дали...

1876

СОДЕРЖАНИЕ

Аполлон Николаевич Майков 5

В Антологическом роде

Октава	11
Сон	—
Призыв	12
«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...»	14
Горный ключ	—
Мысль поэта	16
Зимнее утро	—
Сомнение	18
Горы	20

На воле

Весна	21
«Весна! выставляется первая рама...»	—
«Поле зыблется цветами...»	22
Под дождем	—
Звуки ночи	23
Журавли	24
Пейзаж	25

Ласточки	26
«Осенние листья по ветру кружат...»	27
Мечтания	28

На странствований

Альпийские ледники	29
«Здесь весна, как художник уж славный, работает тихо...»	30

Неаполитанский альбом

«Какое утро! Стихли громы...»	32
Тарантелла	33

Дома

Мать	37
Весна	39
Летний дождь	40
Сенокос	41
Нива	—

Страны и народы

Сон негра	44
---------------------	----

Переводы и вариации

На море	47
«Краса моя, рыбацка...»	48

Акварели

Гроза	49
«Уж побелели неба своды...»	51

На славянского мира

Никогда!	52
--------------------	----

Новогреческие песни

Колыбельная песня	63
«Ласточка примчалась...»	64
«Я б тебя поцеловала...»	—

Отзывы жизни

Рыбная ловля	65
Картинка	75

Отзывы истории

Емшан	78
У гроба Грозного	82
Кто он	87
Сказание о 1812 годе	89

63

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Д. И. Чевычелов.

*Подписано к печати 10 IX 1943 г. 3 печ. л. (2,7
уч.-изд. л.). 36 810 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз.
Л92239. Заказ № 3699. Цена 1 р. 30 к.*

---

*Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса
РСФСР. Москва, Суцеский вал, 49.*

Цел. 1 р. 30 к.

23